

УДК: 327(73+520+519.5); 327(510)

DOI: 10.31857/S2686673025010041

EDN: JHLJLK

Трёхстороннее сотрудничество США – Япония – Республика Корея в контексте отношений с Китаем

А.А. Киреева

*Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО) МИД России.*

Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

ORCID: 0000-0002-0376-9734, Scopus ID: 57201587660, Researcher ID: O-8795-2017,

ПИИЦ Author ID: 654598, e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Резюме. В статье рассматривается саммит трёхстороннего партнёрства между США, Японией и Республикой Корея в Кэмп-Дэвиде в августе 2023 года, который привёл к беспрецедентному расширению и институционализации сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики и технологий, в контексте отношений с Китаем. В работе анализируется содержание договорённостей в Кэмп-Дэвиде, изучается трансформация характера отношений трёх стран с Китаем в период нахождения у власти в стране председателя КНР Си Цзиньпина, проводится анализ причин расширения трёхстороннего сотрудничества и его ограничителей.

Ключевые слова: США, Япония, Республика Корея, Южная Корея, Китай, КНР, КНДР, Северная Корея, Тайвань, Индо-Тихоокеанский регион.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 2025-04-01.

Для цитирования: Киреева А.А. Трёхстороннее сотрудничество США – Япония – Республика Корея в контексте отношений с Китаем. США & Канада: экономика, политика, культура. 2025. 55(1): 74–90. DOI: 10.31857/S2686673025010041

EDN: JHLJLK

U.S.-Japan-ROK Trilateral Cooperation within the Context of Relations with China

A.A. Kireeva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76 Vernadskogo Prospect, 119454, Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-0376-9734, Scopus ID: 57201587660, Researcher ID: O-8795-2017,

ПИИЦ Author ID: 654598, e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Abstract. The article looks at the trilateral cooperation summit between the U.S., Japan, and South Korea at Camp-David in August of 2023 which brought about the unprecedented expansion and institutionalization of cooperation in the areas of politics, security, economic, and technology, against the backdrop of their relations with China. It analyzes the agreements reached in Camp-David, the transformation of their bilateral relationships with China during President Xi Jinping's tenure, the reasons for stepping-up trilateral cooperation, as well as the obstacles on this way.

Keywords: US, Japan, Republic of Korea, South Korea, China, PRC, North Korea, DRPK, Taiwan, Indo-Pacific.

Acknowledgment: The research work was funded by MGIMO University, project number 2025-04-01.

For citation: Kireeva, A.A. U.S.-Japan-ROK Trilateral Cooperation within the Context of Relations with China. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2025. 55(1):74–90. DOI: 10.31857/S2686673025010041 EDN: JHLJLK

ВВЕДЕНИЕ

В августе 2023 года в Кэмп-Дэвиде состоялся саммит трёхстороннего партнёрства Соединённых Штатов – Японии – Республики Корея (РК), на котором стороны провозгласили новую эру сотрудничества и договорились о беспрецедентном расширении и институционализации сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики и технологий. Результаты саммита освещались как представляющие собой новую веху сотрудничества трёх государств [1].

США добивались формирования трёхстороннего сотрудничества со своими главными союзниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе – с Японией и Южной Кореей – в течение многих лет. При президенте У. Клинтоне (1993–2001) в 1999 году была создана Трёхсторонняя группа по координации и надзору (*Trilateral Coordination and Oversight Group*) для обсуждения совместных ответов на вызовы безопасности на Корейском полуострове, связанные с ракетно-ядерной программой КНДР.

Американская администрация Барака Обамы (2009–2017), после завершения шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР в 2009 году активно продвигала восстановление трёхстороннего сотрудничества, и с 2010 году министерские консультации возобновились с фокусом на противодействие вызовам безопасности со стороны Северной Кореи. Наибольший прогресс был замечен при президенте Б. Обаме в США, премьер-министре Синдзо Абэ (2012–2020) в Японии и консервативном президенте Южной Кореи Пак Кын Хе (2013–2017) [Sohn, 2016:17].

Однако сотрудничество не продвинулось дальше консультаций, нерегулярных трёхсторонних учений и Соглашений об обмене разведывательными данными (*General Security of Military Information Agreement, GSOMIA*) для обмена информацией по поводу ракетно-ядерной программы КНДР. В 2014 году такое соглашение было заключено в трёхстороннем формате, а в 2016 году – в двухстороннем, между Японией и Южной Кореей. Отношения между Японией и РК, ухудшившиеся с начала 2010-х годов, показали себя как слабое звено трёхстороннего сотрудничества, которое демонстрировало то прогресс, то откат из-за смены власти в Южной Корее или изменений в международных отношениях в Северо-Восточной Азии (СВА) [Панов, 2023:83].

Самой низкой точки за всю послевоенную историю отношения Японии и Южной Кореи достигли во время нахождения у власти в РК прогрессистского президента Мун Чжэ Ина (2017–2022), что привело к сворачиванию трёхстороннего сотрудничества. В 2019 году его администрация собиралась завершить действие двухстороннего соглашения *GSOMIA*, но оно было сохранено в последний момент. При этом обмен разведывательными данными шёл плохо и был нормализован только в 2023 году, в то время как трёхсторонние учения не проводились [Curtis et al., 2024:4–5; 8–9].

Администрация Дж. Байдена (2021–2025) возобновила усилия, направленные на расширение трёхстороннего сотрудничества, но существенного прогресса удалось добиться только после прихода к власти в Южной Корее консервативной администрации Юн Сок Ёля в мае 2022 году. Данная статья ставит целью ответить на вопрос, почему в 2023 году между США, Японией и Республикой Корея были достигнуты прорывные договорённости и как это связано с отношениями трёх стран с Китаем.

Последний вопрос заслуживает особого внимания, поскольку впервые в трёхсторонней декларации КНР не просто упоминается, а содержится прямая критика её действий. При условии, что до этого момента сотрудничество между тремя странами фокусировалось практически исключительно на противодействии ракетно-ядерной программе КНДР, подобный фокус на Китае заслуживает отдельного рассмотрения и поиска причин, связанных с характером отношений трёх стран с КНР.

В целях ответа на данный вопрос в статье анализируется содержание трёхстороннего саммита США, Японии и Южной Кореи в Кэмп-Дэвиде, рассматривается трансформация характера отношений трёх стран с Китаем в период нахождения у власти председателя КНР Си Цзиньпина (2013 – настоящее время), анализируются причины расширения трёхстороннего сотрудничества и его ограничивающие факторы.

РАСШИРЕНИЕ ТРЕХСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА США – ЯПОНИЯ – РК НА САММИТЕ В КЭМП-ДЭВИДЕ

Активные контакты между США, Японией и Южной Кореей начались после прихода к власти в Южной Корее консервативного президента Юн Сок Ёля в мае 2022 года. В результате встречи глав государств на полях саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Пномпене 13 ноября 2022 года стороны договорились о формировании Трёхстороннего диалога по экономической безопасности. Целью этого диалога стало налаживание сотрудничества в следующих сферах: критические и прорывные технологии, цепочки добавленной стоимости (ЦДС), включая полупроводники, аккумуляторы и редкоземельные металлы, защита чувствительных технологий и реагирование на случаи экономического принуждения. Первая встреча диалога прошла в феврале 2023 года [2].

18 августа 2023 года состоялся трёхсторонний саммит в Кэмп-Дэвиде, место проведения которого было выбрано, чтобы подчеркнуть прорывной характер новых договорённостей. Стороны договорились об институционализации сотрудничества и проведении ежегодных саммитов на уровне глав государств, а также встреч на высоком уровне по линии министерств иностранных дел, министерств обороны, министерств финансов и советников по национальной безопасности. Кроме того, была достигнута договорённость проводить ежегодный Трёхсторонний Индо-Тихоокеанский диалог, который впервые прошёл в январе 2024 года на уровне заместителей министров иностранных дел. США, Япония и Южная Корея декларировали обязательства проводить консультации в случае возникновения общих угроз национальной безопасности, провокаций и вызовов [1]. Только с августа по декабрь 2023 года было проведено около 30 трёхсторонних встреч для того, чтобы запустить практическое взаимодействие [Curtis et al., 2024:3].

Партнёры выразили солидарность по следующим вопросам: процветание Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), центральное положение АСЕАН в региональной архитектуре, поддержка АСЕАН и стран Океании; критика «опасного и агрессивного поведения» КНР в Южно-Китайском море (ЮКМ), оппозиция попыткам Китая изменить статус-кво в ИТР силовым путём, важность роли мира и стабильности в Тайваньском проливе; денуклеаризация КНДР и сворачивание её ракетной программы, осуждение ракетных пусков КНДР, в особенности межконтинентальных баллистических ракет, а также несоблюдения ею прав человека; поддержка Украины и санкций в отношении России, а также снижение зависимости от российских энергоносителей; продвижение гендерной повестки.

В сфере безопасности стороны договорились о проведении регулярных трёхсторонних учений с участием разных родов войск и согласовали долгосрочный календарь учений. Военно-морские, воздушные и противоракетные учения стали

регулярными. В октябре 2023 года были проведены первые воздушные учения с участием стратегических бомбардировщиков. Стороны договорились поддерживать работу двух- и трёхсторонних соглашений GSOMIA. В августе 2023 года прошло тестирование обмена информацией в реальном времени в сфере противоракетной обороны, а к концу года работа системы была налажена для отслеживания ракетных пусков КНДР [Curtis et al., 2024:5–6]. Была создана трёхсторонняя рабочая группа по противодействию кибердеятельности КНДР и достигнута договорённость о совместном противодействии дезинформации. Вашингтон, Токио и Сеул договорились наладить трёхстороннее сотрудничество в сфере морской безопасности и координировать помощь странам АСЕАН и малым Тихоокеанским государствам в наращивании своего морского потенциала.

В экономической сфере стороны договорились о сотрудничестве национальных финансовых институтов для финансирования проектов по созданию качественной инфраструктуры. Было объявлено о запуске Диалога по развитию и гуманитарным вопросам, а также о продолжении работы Трёхстороннего диалога по экономической безопасности. США, Япония и РК договорились наладить трёхстороннее сотрудничество в области науки и прорывных технологий, включая искусственный интеллект, суперкомпьютеры, климатические изменения, а также по повестке декарбонизации и «зелёной» энергетики. Они отметили важную роль сотрудничества в рамках Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС) для процветания (*Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF*), запущенной под эгидой США в мае 2022 года в составе 14 стран, включая Японию и Южную Корею. Наконец, стороны договорились наладить сотрудничество в сфере здравоохранения и гуманитарных обменов на трёхстороннем уровне.

В ноябре 2024 года состоялся второй саммит, на котором было принято решение создать постоянно действующий секретариат трёхстороннего сотрудничества для осуществления координации и реализации согласованных шагов. Стороны отметили успешное проведение трёхсторонних учений *Freedom Edge* с участием всех родов войск. Партнёры также подписали меморандум о сотрудничестве в сфере обороны, предполагающий проведение регулярных учений, направленных на усиление оперативной совместимости войск, а также регулярные консультации на уровне начальников генеральных штабов и на министерском уровне [13].

ОЦЕНКИ ПРИЧИН И ЗНАЧЕНИЯ ДОГОВОРЁННОСТЕЙ В КЭМП-ДЭВИДЕ

Важным фактором, который обусловил возможность новых договорённостей, стало улучшение отношений между РК и Японией в результате целенаправлен-

ной политики южнокорейского президента Юн Сок Ёля. В марте 2023 года состоялась встреча на высшем уровне президента Юн Сок Ёля и японского премьера Кисиды Фумио, первая за 12 лет. Стороны договорились нормализовать отношения и наладить сотрудничество в сфере безопасности и экономики. Активная работа администрации Дж. Байдена по стимулированию диалога между союзниками также дала свои плоды [Curtis et al., 2024:4–5]. Пришедший на смену Кисиде Фумио премьер-министр Исиба Сигэру продолжил курс своего предшественника.

Напряжённость на Корейском полуострове, активные испытания КНДР новых видов вооружений и отсутствие существенного прогресса в американо-северокорейских переговорах по итогам президентства Д. Трампа при отсутствии интереса администрации Дж. Байдена к ним также способствовали налаживанию более тесного военного сотрудничества по противодействию Северной Корее [Curtis et al., 2024:4–5]. Подобная политика в целом характерна для южнокорейских консервативных администраций, которые выступают за более глубокое сотрудничество с США и максимальное давление на КНДР. В качестве другого фактора, который вызывает обеспокоенность трёх стран, выделяется усиление международной конфликтности, эскалация ситуации вокруг Тайваня и недовольство более жёсткой политикой КНР при Си Цзиньпине [Cha et al., 2023].

Институционализация сотрудничества рассматривается экспертами как попытка защититься от его сворачивания в случае смены власти и изменения политического курса одного из лидеров, как это было при президенте США Д. Трампе и РК Мун Чжэ Ине. Заслуживает особого внимания обязательство трёх стран проводить консультации в случае угроз национальной безопасности, что для отношений Японии и Южной Кореи является беспрецедентным с учётом сохраняющихся между ними неурегулированных исторических и территориальных споров [Cha et al., 2023].

На экспертном уровне также отмечается большее, чем ранее, совпадение интересов трёх стран по поводу стратегической обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе после того, как южнокорейское правительство в декабре 2022 года впервые приняло национальную Индо-Тихоокеанскую стратегию [3]. Эта стратегия по экспертным оценкам позволила приблизить внешнеполитические приоритеты Республики Корея к американским и японским, что нашло своё отражение в прямой критике политики КНР в заявлении по итогам Кэмп-Дэвидского саммита. Она символизирует отход Южной Кореи от фокуса на Корейском полуострове и большую вовлечённость РК в процессы, происходящие в Индо-Тихоокеанском регионе [Cha et al., 2023].

Кэмп-Дэвидские договорённости в целом выводят формат сотрудничества на новый уровень, делая его комплексным, а не ограничивающимся вопросами безопасности в Северо-Восточной Азии [Cha et al., 2023]. Они отражают стремление

трёх стран координировать действия в области экономической безопасности в контексте отношений с Китаем и готовность партнёров объединить усилия в различных высокотехнологических сферах для того, чтобы сохранять технологическое лидерство в мировой экономике [Curtis et al., 2024:7].

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ

Американская администрация Барака Обамы (2009–2017) изначально видела в Китае важного партнёра, но со временем стала рассматривать его внешней политикой всё больше как вызов в сфере безопасности. Во многом это было связано с переходом Китая к более жёсткой политике, что стало особенно заметным после прихода к власти председателя Си Цзиньпина. Администрация Дональда Трампа (2017–2021) перешла к курсу на стратегическое соперничество с Китаем, что впервые было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности 2017 года. В американских внешнеполитических концептуальных документах политика КНР при текущем руководстве во главе с Коммунистической партией Китая (КПК) и пятым поколением её руководителей называется ревизионистской, силовой и агрессивной. Цели Китая характеризуются как стремление к региональной гегемонии в ИТР, а в перспективе – к глобальному превосходству. Особенно США беспокоит стремление Китая изменить мировой порядок в свою пользу и вытеснить их из ИТР, что рассматривается как вызов американскому лидерству [4]. Задача сдерживания Китая обуславливается стремлением Вашингтона охранить своё доминирование в ИТР, причём степень преемственности приоритетов между администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена (2021–2025) очень высокая, а подход США становится всё более жёстким [Уянаев, 2023:33].

Стратегия США в ИТР, направленная на противодействие Китаю и его сдерживание, реализуется по следующим направлениям: усиление собственного потенциала, укрепление альянсов, расширение гибкой сети союзников и партнёров в разных форматах и минилатеральных группах и стремление вовлечь их в противостояние Китаю по всем направлениям – в политике, безопасности, экономике и технологиях, а также усиление поддержки Тайваня. Трёхстороннее партнёрство с Японией и Южной Кореей является одним из инструментов, который призван помочь в реализации этих мер. Поскольку в Вашингтоне понимают, что у США в одиночку недостаточно мощи для проведения полномасштабной холодной войны с Китаем, ставка делается на объединение усилий с союзниками и партнёрами в целях комплексного сдерживания КНР, чтобы кардинально изменить расклад сил в свою пользу [Панов, 2023:81–82].

Экономически Китай остаётся важным партнёром для США, связанным с ними большим количеством совместных ЦДС в рамках мирового разделения

труда, однако экономические контакты демонстрируют тенденцию к сокращению из-за политики администраций Д. Трампа и Дж. Байдена. Президент Д. Трамп развернул полноценную «торговую войну» против Китая, введя тарифы примерно на 60% импорта из КНР, а администрация Дж. Байдена не только не отменила их, но и ввела новые – 100% пошлины на электромобили. В 2023 году товарооборот США и КНР составил 574.662 млрд долл., что на 17% меньше, чем в предыдущем 2022 году. Он составляет около 11.2% американской внешней торговли и около 9.8% китайской [5].

Обе администрации вводили ограничения на трансфер технологий в Китай, самыми масштабными из которых стали введённые в октябре 2022 года и 2023 году запреты на экспорт оборудования для производства полупроводников, продвинутых полупроводников и материалов для их производства. Вместе с тем понимая, что полностью разорвать экономические связи с КНР невозможно, да и вряд ли целесообразно, администрация Байдена отказалась от политики «декаплинга» (разрыва связей, англ. *decoupling*), которой придерживался Д. Трамп, и вместо этого приняла курс на *de-risking* – сохранение контактов с Китаем при контроле за критическими технологиями, диверсификации внешнеэкономических связей и снижении зависимости от взаимодействия с китайской экономикой [Benson, Sicilia, 2023]. В декабре 2021 года по инициативе президента Дж. Байдена была создана рабочая группа по сотрудничеству в сфере полупроводников в составе США, Тайваня, Южной Кореи и Японии (*Chip 4 Alliance*) [Curtis et al., 2024:7].

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЯПОНИИ И КИТАЯ

Переход Японии к стратегическому соперничеству с КНР произошёл раньше, чем у США, и был связан с обострением территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море в 2012 году. Действия Китая, направленные на создание конкурирующего присутствия и нового статус-кво в этом споре, воспринимались Японией как реальная угроза безопасности. Получившие «в наследство» резко ухудшившиеся отношения премьер-министр Синдзо Абэ (2012–2020) и председатель КНР Си Цзиньпин заняли ещё более жёсткие позиции. Стратегия Японии стала нацелена на противостояние Китаю, политика которого при Си Цзиньпине воспринимается в Токио как крайне жёсткая и агрессивная, а также на предотвращение доминирования Китая в Восточной Азии.

В Пекине же рассматривали курс Синдзо Абэ как направленный на возрождение милитаризма и причину всех проблем в двухсторонних отношениях [Pugliese, Insiasa, 2017]. Несмотря на нормализацию отношений в 2017–2019 годах и наличие сфер, в которых страны сотрудничают, преобладающим в китайско-японских отношениях остаётся стратегическое соперничество. В Стратегии наци-

ональной безопасности Японии, принятой в декабре 2022 года, Китай позиционируется как главный стратегический вызов, и большую обеспокоенность вызывает эскалация ситуации вокруг Тайваня [6].

Стратегия Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, впервые сформулированная Синдзо Абэ в 2016 году, ставит целью создание «международного порядка, основанного на правилах» и усиление взаимосвязанности в целях экономического развития. К мерам, реализуемым Токио, относится опора на альянс с США при одновременном расширении сотрудничества с различными региональными и внерегиональными державами для создания такого регионального порядка, который Китай не сможет переформатировать в свою пользу, а также реализация высококачественных инфраструктурных проектов [7] для того, чтобы предоставлять альтернативу китайской Инициативе пояса и пути (ИПП). Япония поддерживает все американские инициативы, такие как ИТЭС, сотрудничество в сфере полупроводников и других прорывных технологий.

Экономически Китай остаётся важным партнёром для Японии, на размещении производственной базы в котором традиционно были основаны стратегии японских ТНК *кэйрэцу*. В 2023 году товарооборот Японии и КНР (вместе с Гонконгом) равнялся 334,8 млрд долл., что составило около 22% внешней торговли Японии, но только 5% общего товарооборота Китая [8]. С одной стороны, производимая в Китае продукция все больше ориентирована на китайский внутренний рынок благодаря росту потребления, и в Токио всегда выступали против декаплинга с КНР. С другой стороны, китайские компании становятся всё более серьёзными конкурентами японских на глобальных рынках. При этом технологический вызов стоит всё более остро, китайская рабочая сила дорожает, а торговая война США и Китая делает модель производства в КНР для экспорта в США всё менее выгодной. В этих условиях японские *кэйрэцу* стали диверсифицировать свои ЦДС, размещая новые производственные мощности за пределами Китая, а правительство Японии начало секьюритизировать экономическое взаимодействие с КНР. Закон об экономической безопасности, принятый в мае 2022 года [9], во многом направлен на контроль над критическими и прорывными технологиями с целью предотвращения их передачи китайским компаниям.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЮЖНОЙ КОРЕИ И КИТАЯ

Стратегия Южной Кореи по отношению к Китаю демонстрирует существенные отличия. В течение длительного времени РК проводила стратегию хеджирования (*hedging*), при которой она расширяла экономическое сотрудничество с КНР, главным торговым партнёром и важным направлением приложения ПИИ, и при этом сохраняла военно-политическое сотрудничество с США, которое вос-

принимается как жизненно важное для обеспечения безопасности [Park, 2015]. Товарооборот двух стран за 2023 год составил 267.6 млрд долл. На Китай пришлось порядка 21 % товарооборота Южной Кореи, первое место в списке торговых партнёров [10], тогда как торговля с РК занимает всего 4,5% внешней торговли КНР.

Отношения между КНР и РК ухудшились вследствие введения Китаем неофициальных экономических санкций из-за размещения в 2016–2017 годах системы противоракетной обороны ТХААД (*Terminal High Altitude Area Defense, THAAD*), которое воспринималось им как нарушение стратегического баланса в регионе и угроза национальной безопасности. Подобные оценки были связаны с наличием радара Х-диапазона, способного отслеживать ракетные пуски в радиусе 1200–2000 км, включая часть территории КНР, где расположены китайские ракетные базы. Неофициальные экономические ограничительные меры, которые ввёл Китай, нанесли существенный ущерб южнокорейской экономике и продемонстрировали южнокорейскому правительству и обществу, что КНР при новом поколении руководителей готова использовать жёсткие инструменты принуждения в случае, если какое-либо решение не соотносится с её интересами [Lee, 2020:10–11].

Южная Корея не сразу пересмотрела свою стратегию в отношении Китая. Президент РК Мун Чжэ Ин (2017–2022) проводил балансирующий курс, стараясь сохранять положительные отношения и со своим союзником США, и с Китаем, сотрудничество с которым было важно для налаживания переговорного процесса с КНДР в 2018 году. Для восстановления отношений с КНР в своём выступлении перед южнокорейским парламентом в октябре 2017 года министр иностранных дел РК Кан Ген Хва выступила с заявлением о «трёх нет»: отсутствии намерений размещать дополнительные системы ПРО ТХААД, участвовать в американской системе ПРО и превращать трёхстороннее сотрудничество с Японией и США в полноценный альянс. Однако, добиться полноценного восстановления отношений с Китаем не удалось, а большая зависимость экономики РК от китайского рынка при частичном сохранении ограничений привели к усилению негативного восприятия КНР [Lee, 2020:11–12]. Согласно данным опроса Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*) 2022 года, 80% опрошенных южнокорейцев ответили, что негативно относятся к Китаю, а 74% заявили, что отношения находятся в плохом состоянии. В 2015 году лишь 37% опрошенных демонстрировали негативное отношение [11].

Во время своей предвыборной кампании Юн Сок Ёль (2022 – настоящее время) демонстрировал жёсткую риторику по отношению к Китаю. Он заявил, что его администрация не считает себя связанной заявлениями администрации Мун Чжэ Ина о «трёх нет», которые не носили обязательной силы, и подчеркнул, что дополнительное размещение комплексов ПРО ТХААД является вопросом суверенитета Южной Кореи, а не предметом переговоров с КНР. Важным вызовом для РК со стороны Китая стал технологический: как получать выгоды от китайского

рынка, на который приходится около четверти южнокорейского экспорта, сохраняя технологическое превосходство. С одной стороны, консервативная администрация Юн Сок Ёля демонстрирует готовность расширять сотрудничество с США в таких формах, которые вызывают отрицательную реакцию в Пекине. Это включает в себя возможное размещение новых комплексов ПРО ТХААД; дискуссию о возможном размещении ядерного оружия на американских базах в РК; ремарки самого президента о том, что он выступает против изменения статус-кво вокруг Тайваня силовым путём; участие в ИТЭС; сотрудничество с США, Тайванем и Японией в сфере полупроводников; выдвижение собственной Индо-Тихоокеанской стратегии в декабре 2022 года; расширение сотрудничества в трёхстороннем формате с США и Японией и т. д. [Park, 2023].

С другой стороны, несмотря на ужесточение риторики в отношении Китая, политика южнокорейского правительства на практике оказывается сдержанной, и администрация Юн Сок Ёля не делает резких антикитайских шагов, за которыми могло бы последовать ухудшение отношений с Пекином. Так, южнокорейское министерство обороны объявило о том, что не будет приобретать дополнительные комплексы ПРО ТХААД и участвовать в американской региональной архитектуре ПРО. Во время визита спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси в РК после её посещения Тайваня в августе 2022 года, вызвавшего кризис вокруг острова, президент Юн Сок Ёль не стал с ней встречаться, чтобы не ставить под угрозу отношения с КНР. В Индо-Тихоокеанской стратегии помимо поддержки универсальных принципов содержится акцент на инклюзивность и региональное сотрудничество, а Китай определяется как ключевой региональный партнёр. РК ставит целью постепенное снижение зависимости от КНР и диверсификацию ЦДС в более широком Индо-Тихоокеанском регионе, что заметно по снижению потока ПИИ в Китай, но южнокорейский бизнес не собирается сворачивать сотрудничество с Китаем, включая экспорт полупроводников. Компании «Самсунг» (*Samsung*) и «Хайникс» (*SK Hynix*) получили временное разрешение от американской администрации продолжить продажу полупроводников для китайской электронной промышленности [Park, 2023]. Это значительно отличает южнокорейскую стратегию в отношении Китая от американской и японской.

ОГРАНИЧИТЕЛИ РАСШИРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА США – ЯПОНИЯ – РК

Несмотря на достигнутые договорённости, в каждой стране есть свои внутриполитические обстоятельства, которые ставят под вопрос степень их реализации. Во-первых, это различия во внешнеполитических интересах, связанные с необходимостью поддержания стабильности в отношениях с Пекином для Сеула и Токио, а также с неготовностью к слишком жёсткой конкуренции с КНР. В Южной

Корее были особенно сильны опасения по поводу реакции Китая и потенциального укрепления отношений между КНДР, КНР и Россией в ответ на расширение трёхстороннего сотрудничества с США и Японией. Существует и обеспокоенность оказаться в ловушке японских интересов, связанных с противостоянием Китаю в ИТР, в котором РК не заинтересована. В Японии также были обеспокоены потенциально негативным влиянием достигнутых договорённостей на отношения с КНР, стабильность которых представляет для Токио значительный интерес. Премьер-министр Фумио Кисида выражал заинтересованность в проведении саммита с председателем КНР Си Цзиньпином и возобновлении трёхсторонних встреч в формате КНР-Япония-РК, прерванных в 2019 году, чему могло помешать чрезмерное обострение отношений с Китаем [Cha et al., 2023]. Хотя эти соображения не помешали странам расширять трёхстороннее сотрудничество, они выступают в качестве ограничителей на пути его дальнейшего углубления.

Вполне ожидаемо, что Китай жёстко отреагировал на Кэмп-Дэвидский саммит. Представитель МИД КНР Ван Вэньбинь заявил, что Китай осуждает клевету в его адрес и называет происходящее настоящей «атакой» по вопросам Тайваня и Южно-Китайского моря (ЮКМ). Согласно его оценке, это грубое вмешательство во внутренние дела Китая и попытка вбить клин между КНР и её соседями, что нарушает базовые принципы международных отношений [12]. Вместе с тем, Китай не заинтересован в формировании полноценной блоковой системы в СВА, поэтому он нарастил дипломатические усилия для того, чтобы провести трёхсторонний саммит с Японией и РК в мае 2024 года в стремлении дать «новый старт» сотрудничеству.

Несмотря на ужесточение риторики и политики администрации Юн Сок Ёля, она остаётся неконфронтационной по отношению к Пекину. В Китае хорошо понимают и экономическую зависимость Республики Корея от китайского рынка, и политическую необходимость для Сеула сохранять сотрудничество с КНР из-за северокорейского фактора. Это существенно отличает отношения Китая и Южной Кореи от китайско-японских. В связи с этим сложно представить ситуацию, при которой РК окажется серьёзным образом вовлечена в вооружённый конфликт вокруг Тайваня или Южно-Китайского моря [Park, 2023].

Во-вторых, встаёт вопрос о том, сохранится ли институционализация трёхстороннего сотрудничества в будущем после смены лидеров с связи с тем, что принятые обязательства не являются договором и могут перестать соблюдаться любой стороной без каких-либо серьёзных последствий. Курс президента Юн Сок Ёля на улучшение отношений с Токио не пользуется популярностью в РК. Его поддержка решения Японии сбросить радиоактивную воду с АЭС «Фукусима-1» в августе 2023 года вызвала только дополнительные политические проблемы, так как большинство южнокорейского населения выступило против. На выборах в

Парламент РК 10 апреля 2024 года консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, а оппозиционная Демократическая партия победила. Рейтинг поддержки президента сильно упал, а политический кризис в декабре 2024 года серьёзно пошатнул позиции президента и поставил вопрос о его политическом будущем. В случае прихода к власти в РК на следующих президентских выборах прогрессистов, что весьма вероятно, отношения с Японией могут снова испортиться, что негативно скажется на трёхстороннем сотрудничестве [Curtis et al., 2024:8–9; Sneider, 2023].

Касательно США возникают вопросы по поводу того, насколько данный формат будет оставаться приоритетом для американской администрации при условии наличия большого количества других минилатеральных форматов и вопроса о поддержке Украины. Приход к власти Дональда Трампа в 2025 году вообще может поставить крест на подобном сотрудничестве, так как он намекал на возможность вывода или снижения количества войск в РК и возобновления переговоров с Ким Чен Ыном. Институционализация трёхстороннего партнёрства и создание секретариата во многом были вызваны попытками уходящей американской администрации защититься от изменения курса Дональдом Трампом. Администрация надеется, что, если консультации и иные форматы будут находиться в ведении конкретных министерств и ведомств, президент будет сосредоточен на других приоритетах, а сотрудничество продолжится [Sneider, 2023].

Помимо этого, существует ряд вопросов, по которым позиции трёх стран различаются. Сотрудничество по вопросам экономической безопасности и реструктурированию ЦДС на практике довольно сложно реализуемо, поскольку для этого необходимо скоординировать бизнес трех стран, а он зачастую конкурирует между собой. *Chip 4 Alliance* де-факто так и не запущен, и сотрудничество в сфере полупроводников развивается преимущественно на двухстороннем уровне, а в рамках ИТЭС не было достигнуто никаких договорённостей по вопросам торговой политики. Кроме того, Республика Корея хотела бы продолжить продажу полупроводников в Китай, что ставит под вопрос согласование общего курса в этой сфере [Sneider, 2023; Cha et al., 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведённого в статье анализа можно сделать следующие выводы. Ключевым результатом трёхстороннего саммита США, Японии и Южной Кореи в Кэмп-Дэвиде в 2023 году стала институционализация сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики и технологий. Были созданы и запущены различные профильные форматы трёхстороннего взаимодействия на высшем и высоком уровнях, а также регулярные военные учения с участием различных ро-

дов войск. В 2024 году был создан постоянный секретариат. При условии, что ранее трёхстороннее сотрудничество находилось на довольно низком уровне, новые договорённости являются беспрецедентными.

Причиной прорывных договорённостей является несколько ключевых факторов. Во-первых, курс консервативной южнокорейской администрации Юн Сок Ёля на нормализацию отношений с Японией привёл к стабилизации двухсторонних отношений, что в свою очередь помогло США реализовать давно существовавшие устремления по существенному расширению трёхстороннего сотрудничества с целью противодействия не только КНДР, но и Китаю.

Во-вторых, и в Вашингтоне, и в Токио, и в Сеуле рассматривают более активную и жёсткую политику КНР при председателе Си Цзиньпине как направленную на установление своего доминирования в Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе, в чём все три страны не заинтересованы. Однако новым феноменом является более жёсткая политика Республики Корея по отношению к КНР при администрации Юн Сок Ёля и существенное ухудшение отношения южнокорейского населения к Китаю. Подобные тенденции в китайско-американских и китайско-японских отношениях и курс на стратегическое соперничество с КНР присутствуют более длительное время, с 2017–2018 годов и с 2012 года соответственно.

В-третьих, три страны сталкиваются с общим вызовом возрастающей высокотехнологической конкуренции с Китаем при наличии высокого уровня экономических связей с ним и взаимозависимости, которая в случае Японии и РК носит довольно асимметричный характер. Несмотря на то, что Япония и Южная Корея в меньшей степени, чем США, готовы сокращать экономические контакты с КНР, все три страны стали секьюритизировать контакты в сфере высоких технологий, диверсифицировать свои ЦДС и налаживать кооперацию для объединения усилий и сохранения своих лидерских позиций в мировой экономике. Эти сферы совпадения интересов и составили обширную экономическую и технологическую повестку сотрудничества, активно продвигаемую Вашингтоном в рамках его Индо-Тихоокеанской стратегии.

В то же время на пути дальнейшего расширения или даже сохранения текущего уровня трёхстороннего сотрудничества существует целый ряд ограничителей, включая возможные последствия смены власти, в особенности в США и РК, неурегулированность конфликтов в японско-южнокорейских отношениях, неготовность Южной Кореи к более жёсткому курсу на противодействие и стратегическое соперничество с КНР при концентрации на конфликте с КНДР и более высокой экономической зависимости от Китая, сложности координации частного сектора для выработки единой стратегии в области экономической безопасности в отношении КНР и совместного реструктурирования ЦДС, технологическая конкуренция между бизнесом трех стран и т.д. Эти соображения показывают, что

стороны не готовы к созданию полноценного трёхстороннего альянса США-Япония-РК, а ключевым показателем эффективности трёхстороннего сотрудничества будет то, насколько Кэмп-Дэвидские договорённости будут реально реализовываться на практике.

ИСТОЧНИКИ

1. The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. The White House. 18.08.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed 10.04.2024).

2. Readout of the Trilateral United States – Japan – Republic of Korea Economic Security Dialogue. The White House. 28.02.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/02/28/readout-of-the-trilateral-united-states-japan-republic-of-korea-economic-security-dialogue/> (accessed 10.04.2024).

3. Strategy for a Free, Peaceful and Prosperous Indo-Pacific Region. The Government of the Republic of Korea. December 2022. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_26382/contents.do (accessed 10.04.2024).

4. Indo-Pacific Strategy of the United States. *The White House*. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 10.04.2024).

5. 2023: Trade in Goods with China. US Census Bureau. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed 10.04.2024).

6. Кокка андзэн хосё: сэнряку [Стратегия национальной безопасности]. Кабинет министров Японии. Декабрь 2022. Available at: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (accessed 10.04.2024).

7. Дзию дэ хиракарэта индо тайхэйё (FOIP) но тамэ но аратана пуран. [Новый план по реализации Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона]. МИД Японии. Март 2023. Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/100477659.pdf> (accessed 10.04.2024).

8. Japan's International Trade in Goods. 2023. Japanese External Trade Organization. Available at: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed 10.04.2024).

9. Кэйдзай тайсаку но иттайтэки дзисси ни ёру андзэн какухо но суисин ни кансуру хорицу. (Закон об экономической безопасности). Кабинет министров Японии. 2022. Available at: https://www.cao.go.jp/keizai_anzen_hosho/ (accessed 10.04.2024).

10. Trade Statistics. Korea Customs Service. Available at: https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (accessed 10.04.2024).

11. Negative Views of China Tied to Critical Views of Its Policies on Human Rights. Pew Research Center. June 29, 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/29/negative-views-of-china-tied-to-critical-views-of-its-policies-on-human-rights/> (accessed 10.04.2024).

12. China lodges complaints with U.S., Japan, S. Korea over statement at Camp David. CGTN. 21.08.2023. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-08-21/China-blasts-U-S-Japan-S-Korea-over-Camp-David-statement-1mrXMEtoe52/index.html> (accessed 10.04.2024).

13. Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // The White House. 15.11.2024. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/11/15/joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed 18.11.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов А.Н. Новые тенденции в развитии международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 8. С. 80–98.

Уянаев С.В. Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 7. С. 23–35.

REFERENCES

Benson E., Sicilia G. A Closer Look at De-risking. CSIS. 20.12.2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/closer-look-de-risking> (accessed 10.04.2024).

Cha, V., Johnstone, Chr.B., Kim, E., Szechenyi, N. The Camp David U.S.-Japan-Korea Trilateral Summit: An Exchange among CSIS Japan and Korea Chairs. CSIS. 23.08.2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/camp-david-us-japan-korea-trilateral-summit-exchange-among-csis-japan-and-korea-chairs> (accessed 10.04.2024).

Curtis, L., Wright, E., Kelly, H. Forging a New Era of U.S.-Japan-South Korea Trilateral Cooperation. CNAS. March 2024. 20 p.

Lee, J-Y. The Geopolitics of South Korea-China Relations. RAND Corporation November 2020. 27 p.

Park, J. Korea Between the United States and China: How Does Hedging Work? Joint U.S.-Korea Academic Studies. *Korea Economic Institute of America*. 2015, Volume 26. pp. 59–75.

Park, J. South Korea's Enduring Restraint Toward China. *The Diplomat*. 18.02.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/02/south-koreas-enduring-restraint-toward-china/> (accessed 10.04.2024).

Pugliese, G., Insiasa, A. Sino-Japanese Power Politics: Might, Money and Minds. London: Palgrave Macmillan, 2017. 146 p.

Sneider, D. Japan-South Korea-US relations thawed, but not warm enough. *East Asia Forum*. 31.08.2023. Available at: <https://eastasiaforum.org/2023/08/31/japan-south-korea-us-relations-thawed-but-not-warm-enough/> (accessed 10.04.2024).

Sohn, Y. Relocating Trilateralism in a Broader Regional Architecture. A South Korean Perspective. *NBR Special Report #59*. July 2016. p. 17.

Panov, A.N. Novye tendentsii v razvitií mezhdunarodnykh otnoshenii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The New Tendencies in the Development of International Relations in the Asia-Pacific Region] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, No.8, p. 80–98.

Uyanaev, S.V. Kitai v indo-tikhookeanskoi politike SShA: tseli i evoliutsiia [China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, No.7, p. 23–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРЕЕВА Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России.

Российская Федерация, 119454 Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Anna A. KIREEVA, Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Senior Research Fellow, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76 Vernadskogo Prospect, 119454 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024 / Received 28.07.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.08.2024 / Revised 15.08.2024.

Статья принята к публикации 17.08.2024 / Accepted 17.08.2024.